

Генрих Бёлль

Где ты был, Адам? (фрагмент)

И всемирная бойня может задним числом пригодиться. Скажем, для того, чтобы доказать свое алиби перед лицом всевышнего. «Где ты был, Адам?» – «В окопах, господи, на войне...»

*Теодор Хеккер, «Дневники и ночные раздумья», 31
Марта 1940 г.*

Мне случалось переживать подлинные приключения. Я прокладывал новые авиатрассы, первым перелетел через Сахару, летал над джунглями Южной Америки... Но война – это не подвиг, а лишь его дешевый суррогат.

Война – это болезнь, эпидемия, вроде сыпняка...

Антуан де Сент-Экзюпери, «Полет в Аррас».

I

Сперва перед ними проплыло лицо генерала – усталое, желтое, скорбное лицо с крупными чертами. Высоко подняв голову, генерал торопливо шагал вдоль рядов, и каждый из тысячи выстроенных перед ним солдат видел синие, набрякшие мешки под его глазами, залитые малярной желтизной, и бескровный тонкогубый рот неудачника.

Генерал начал обход с правого фланга пропыленного полукруга. Он тоскливо вглядывался в солдатские лица и повороты делал нечетко, не срезая углы. Все заметили сразу: на груди орденов у него хватало – золото и серебро слепило глаза; а вот на шее, под воротником никакого ордена не было. И хотя солдаты отлично знали, что крест на генеральской шее немногого стоит, их все же удручало, что генерал его не удостоился. Дряблая, желтая генеральская шея без орденского креста невольно наводила на мысли о проигранных сражениях, неудачных отходах, о

смещенных начальниках штаба, об иронических телефонных разговорах, о нагоняях и тех обидных, язвительных нотациях, которыми обмениваются высшие чины; и можно было представить себе, как этот усталый, изможденный старик по вечерам, сняв мундир, сидит в нижнем белье на краю своей походной койки, поджимает тощие ноги и, трясаясь в малярийном ознобе, глотает водку.

Все девятьсот девяносто девять человек – по триста тридцать три с каждой стороны незамкнутого каре – испытывали под его взглядом странное чувство: какую-то смесь жалости, тоски, страха и затаенного гнева. Гнев вызывала эта война, которая тянется слишком уж долго, так долго, что генералы просто права не имеют расхаживать без высшего ордена на шее.

Генерал шел, не отрывая руки от козырька своей поношенной фуражки, – руку у козырька он, правда, держал твердо. Дойдя до левого фланга, он сделал поворот, на сей раз более четкий, двинулся вдоль незамкнутого фронта полукаре и остановился точно на середине. И тут же стайка офицеров рассыпалась за его спиной – на первый взгляд как попало, но на самом деле каждый занял четко определенное ему место, и всем было неловко за генерала, не заслужившего даже креста на шею, тем более что у некоторых офицеров его свиты такие кресты поблескивали под воротниками.

Генерал хотел было что-то сказать, но вместо этого резко козырнул и повернулся так неожиданно, что офицеры, стоявшие позади него, шарахнулись в стороны, освобождая ему дорогу. И все видели, как сухонький старичок влез в свою машину, офицеры снова дернулись под козырек, и вскоре на дороге осталось лишь крутящееся светлое облако пыли, показывая, что генерал укатил на запад, туда, где предзакатное солнце уже низко нависло над плоскими белыми крышами, туда, где не было фронта...

Потом их разделили на три колонны, по триста тридцать три человека в каждой; они зашагали на другой конец города, к его южной окраине, прошли мимо фешенебельных, но запущенных кафе, мимо кинотеатров и церквей, через бедняцкие кварталы, где у дверей валялись в пыли собаки и куры, из окон выглядывали засаленные белотелые красотки, а из грязных пивных доносились пьяные песни; заунывная, однотонная мелодия брала за душу.

С какой-то неправдоподобной быстротой пронеслись мимо трамваи. Под конец солдаты снова вышли на тихую, опрятную улицу, застроенную особняками, утопавшими в зелени садов. У каменных ворот стояли армейские грузовики; солдаты прошли сквозь ворота и очутились в нарядном парке. Здесь их снова выстроили в полукаре – но на этот раз их было лишь по сто одиннадцать человек в шеренге.

Солдаты составили винтовки в пирамиды, сложили в тылу каре вещевые мешки, и когда они снова застыли по стойке смирно, изнемогая от голода и жажды и проклиная про себя опостылевшую войну, перед ними поплыло новое начальственное лицо: узкое, холеное, породистое. Вдоль рядов шагал бледный поджарый полковник с холодным, твердым взглядом и плотно сжатыми губами под длинным носом. Всем сразу стало ясно, что подобные физиономии немислимы без креста на шее. Но и это лицо не внушало солдатам доверия. Полковник шел медленно, печатая шаг, четко срезая углы на поворотах, впиваясь взглядом в каждого. Закончив обход, он в сопровождении небольшой группы офицеров двинулся к центру каре, и солдаты тотчас же поняли, что дело тут без напутствия не обойдется, и все сразу вспомнили о том, что им давно уже хочется пить, хочется есть, спать и курить.

– Солдаты, соратники! – прозвенел в тишине резкий голос полковника, – не буду тратить слов попусту. Надо вышвырнуть отсюда этих вислоухих, загнать их назад, в степи. Ясно?

Полковник умолк. Воцарилась гнетущая, смертная тишина, и солдаты увидели, что багровый диск солнца повис уже над самым горизонтом. Орденовый крест на шее полковника поглощал кровавые лучи, его сверкающие планки, казалось, вобрали в себя весь закат. И тут только солдаты заметили, что крест у полковника был особенный – с дубовыми листьями, которые они между собой именовали «ботвой». Сомнений не было, на шее полковника красовалась «ботва».

– Ясно? – выкрикнул полковник, и голос его сорвался.

– Так точно, – взброд откликнулось несколько голосов – хриплых, усталых и безразличных.

– Ясно, спрашиваю? – снова выкрикнул полковник и дал такого петуха, что его голос и впрямь рванулся ввысь, словно рехнувшийся петух, который захотел вдруг склюнуть звезду.

– Так точно, – вновь откликнулись ряды; теперь голосов стало больше, но кричали они так же хрипло, устало и равнодушно. Слова этого человека не в силах были утолить их жажду, притупить голод, заглушить тоску курильщиков по табаку.

Полковник гневно рассек воздух стеклом и, пробормотав нечто похожее на «скоты», быстро пошел прочь. За ним вышагивал адъютант, непомерно долговязый, совсем еще юный оберлейтенант, такой долговязый и такой юный, что солдатам невольно стало жаль его.

Солнце все еще стояло в небе прямо над крышами – казалось, по плоским белым крышам катится докрасна накаленное железное яйцо, и когда солдат снова повели куда-то, над ними простиралось тусклое, выгоревшее, почти бесцветное небо; чахлая листва бессильно свисала с придорожных деревьев. Теперь они шли прямо на восток – по булыжной мостовой городской окраины, мимо убогих домишек и лавок старьевщиков, мимо обшарпанных многоэтажных корпусов, неведомо как затесавшихся сюда. Потом потянулись свалки, пустыри, огороды – перезревшие дыни догнивали на грядках, тугие сочные помидоры гроздьями висели на кустах. Все здесь было чужое, непривычное, – и несуразно большие кусты помидоров, и толстобокые початки кукурузы, которую клевали стаи черных птиц, они взлетали, когда мимо проходили солдаты; но, покружив в воздухе, тучей опускались на поле и снова принимались клевать желтые зерна.

Теперь солдат осталось всего сто пять человек. Они шли колонной по три, смертельно усталые, пропыленные, с потными лицами и сбитыми в кровь ногами, впереди шагал оберлейтенант, на лице которого было написано глубочайшее отвращение ко всему. Солдаты сразу раскусили его. Принимая команду, оберлейтенант лишь мельком взглянул на них, но люди, несмотря на усталость и жажду, жгучую жажду, прочли в его глазах, что он хочет сказать: «Дерьмо все это, но что поделаешь!»

И тут же они услышали его голос – с наигранным безразличием он сказал: «Пошли!» – просто «пошли» – без обычных строевых команд.

Их привели к грязному зданию школы. На школьном дворе среди чахлых, полужасохших деревьев стояли черные зловонные лужи, над которыми роились жирные мухи, должно быть, лужи месяцами не просыхали – они тянулись через весь двор от булыжной мостовой до исчерканной мелом дощатой уборной, откуда доносился невыносимый смрад, резкий и густой.

– Стой, – бросил обер-лейтенант и направился к дверям школы упругой и в то же время разболтанной походкой человека, которому все опостылело до предела.

Здесь их не строили в каре, а вышедший к ним капитан даже не взял под козырек. Он был в мундире без ремня, жевал травинку, и его круглое чернобровое лицо выглядело добродушно. Остановившись перед строем, он лишь кивнул головой, неопределенно хмыкнул и сказал: «Времени у нас в обрез, ребята. Не до отдыха. Фельдфебель разведет вас по ротам».

Но солдаты, глядевшие мимо круглолицего капитана, успели заметить и бронетранспортеры в глубине двора, и вещевые мешки на грязных подоконниках школы – аккуратные квадраты защитного цвета, и рядом с каждым из них – все что положено – ремень, подсумок, лопатка и противогаз.

Со двора они вновь вышли колонной по три, и осталось их всего двадцать четыре человека; они снова прошли вдоль знакомого уже кукурузного поля, но дойдя до уродливых многоэтажных корпусов, опять свернули на восток и остановились в редкой рощице, среди которой были разбросаны одноэтажные домики, коттеджи с плоскими крышами и широкими застекленными верандами, какие строят в поселках художников.

В садиках стояли плетеные кресла. Когда солдаты повернули по команде кругом, они увидели, что солнце уже скрылось за крышами домов, – багровое зарево медленно расплзлось по всему небосводу, окрашивая его в алый цвет – цвет грубо намалеванной крови. Восток у них за спиной уже подернулся сумеречной дымкой.

У домов в тени деревьев сидели солдаты. Вдалеке виднелись ружейные пирамиды – их было не меньше десятка. Пришедшие

сразу заметили, что их теперешние однополчане были в полном боевом снаряжении, – отблески заката играли на касках, пристегнутых к поясным ремням.

Обер-лейтенант, появившийся на пороге одного из домиков, и не подумал обходить строй. Он просто подошел к ним, остановился, и солдаты увидели, что у него был единственный орден, даже не орден – так, пустячная медаль – штампованный кружок из вороненой жести, свидетельство о том, что его обладателю посчастливилось пролить кровь за отечество. Лицо у офицера было усталое и грустное. Он посмотрел на солдат, сначала на их ордена и ленточки, потом на лица, произнес: «Прекрасно», – и, помолчав немного, взглянул на часы и добавил:

– Устали ребята, знаю, но ничего не поделаешь – выступаем через четверть часа. – Затем он обратился к стоявшему рядом унтер-офицеру:

– Составлять список – нет смысла. Соберете солдатские книжки и перешлете их в штаб. Да побыстрее разводите людей по взводам, чтобы успели напиться. – И вновь повернувшись к солдатам, обер-лейтенант громко сказал: – Фляги налить не забудьте!

Физиономия унтера была недовольная, спесивая, а орденов у него на груди было в четыре раза больше, чем у обер-лейтенанта. Он только кивнул в ответ и рявкнул:

– Сдать солдатские книжки!

Положив стопку солдатских книжек на колченогий столик под деревом, унтер-офицер начал распределять людей по взводам. Пока он рассчитывал их и разбивал на группы, все они думали об одном и том же. Да, они устали в дороге, будь она трижды проклята, но это бы еще полбеды. И генерал, и полковник, и капитан, и даже обер-лейтенант – все они останутся позади – и плевать на них. Но вот этому пижону-унтеру, лихо отдающему честь и щелкающему каблуками, словно и не было четырех лет войны, и этому мордастому фельдфебелю с бычьим загривком, который, подойдя откуда-то сбоку, щелчком отбросил недокуренную сигарету и затянул потуже ремень, – этому начальству солдат выдан с головой – до той минуты, пока не попадет в плен, не будет ранен или убит.

И вот из тысячи солдат остался один – последний. Он стоял перед унтер-офицером, растерянно озираясь, ибо рядом с ним больше не было привычных соседей – ни спереди, ни сзади, ни сбоку. Взглянув еще раз на унтера, солдат вспомнил вдруг, что он хочет пить, пить, а от пятнадцатиминутного привала осталось самое большее минут семь-восемь...

Унтер взял со стола последнюю солдатскую книжку, перелистал ее, поднял глаза на стоявшего перед ним солдата и спросил:

– Ваша фамилия Файнхальс?

– Так точно.

– До войны были архитектором и умеете чертить?

– Так точно.

– Оставьте его при себе, господин обер-лейтенант.

Пригодится.

– Прекрасно, – произнес обер-лейтенант, не отрывая взгляда от дальней панорамы города, и Файнхальс тоже посмотрел в ту сторону и сразу понял, почему ротный глядит туда как зачарованный. Там, вдалеке, солнце опустилось прямо на улицу и, словно сплющенное сверкающее яблоко, лежало в пыли между убогими домишками на окраине румынского городка – оно все больше тускнело, словно заплывая собственной тенью.

– Прекрасно, – повторил офицер, и Файнхальс так и не узнал, относилось ли это к солнцу или было обычным присловьем обер-лейтенанта. Сам Файнхальс в этот миг думал о том, что вот уже четыре года, как он воюет, четыре года, а в повестке, полученной им когда-то, говорилось лишь о военных сборах. Он и поехал на сборы, но тут внезапно началась война.

– Идите пейте, – сказал унтер, и Файнхальс ринулся туда, куда давно уже побежали остальные. Воду он нашел сразу – между тонкими стволами сосенок торчала заржавевшая колонка со свернутым краном. Струя воды, вытекавшая из него, была не толще мизинца, да вдобавок у колонки сгрудилось человек десять и каждый, нещадно ругаясь, старался отпихнуть в сторону котелок соседа.

При виде льющейся воды Файнхальс чуть не обезумел. Мозг сверлило только одно слово – «вода». Он выхватил котелок из

вещевого мешка и, ощутив вдруг необычайный прилив сил, протолкался к крану. Ему удалось втиснуть котелок между другими, и вскоре он уже не мог распознать его среди десятка металлических ячеек, безостановочно перемещавшихся под струей воды. По, посмотрев вдоль своей руки, он заметил, что эмаль на его котелке темней, чем у других. Резким толчком он послал его вперед и с жадной дрожью ощутил, что котелок тяжелеет. Файнхальс так и не успел решить, что приятней: пить или чувствовать, как наполняется водой котелок в его руке. Вдруг рука его дрогнула, слабость растеклась по жилам; Файнхальс поспешно потянул к себе котелок и сел на землю, хотя за спиной у него раздались голоса: «Строиться! Становись!» Не в силах поднести котелок ко рту, он зажал его между коленями, склонился над ним, словно пес над миской, потом слегка подтолкнул доньшко – котелок чуть накренился, и вода коснулась наконец его потрескавшихся губ. И когда он почувствовал на губах воду и стал судорожно пить, перед глазами его вспыхнули, заплясали, переливаясь всеми цветами радуги, буквы: *вода, во-да-во-да-во...* Словно в бреду, он ясно видел перед собой это слово. Руки его вновь окрепли, он поднес котелок ко рту и осушил до дна. Кто-то на бегу схватил его за плечо, рванул с земли и подтолкнул вперед. Еще издали Файнхальс увидел, что рота уже построена, и услышал голос оберлейтенанта: «Вперед, шагом марш». Вскинув на плечо винтовку, он по знаку унтер-офицера встал на свое место в одном из первых рядов.

Они зашагали вперед, в темноту, и Файнхальс поневоле двигался вместе со всеми, хотя охотнее всего он растянулся бы на земле, но, казалось, собственная тяжесть заставляла его сгибать попеременно колени, и его натруженные, сбитые в кровь ноги послушно шли вперед, волоча за собой непомерно тяжелые, многопудовые комья боли; ноги переступали одна за другой, а вслед за ними приходило в движение и все тело – зад, плечи, руки, голова, и снова тело обваливалось, оседало на ноги, и те снова подгибались в коленях и шли вперед...

Часа три спустя, совершенно обессилив, он лежал где-то в выгоревшей степной траве и тупо смотрел вслед человеку, уползавшему в серую мглу: этот человек только что передал ему

два просаленных бумажных кулька, краюху хлеба, пакетик леденцов, шесть сигарет и сказал:

– Пароль знаешь?

– Нет.

– «Победа», пароль – «победа».

«Пароль – «победа», – шепотом повторил Файнхальс, и это слово растеклось по языку, словно тепловатая затхлая вода.

Он сорвал обертку с леденцов и сунул один из них в рот. Кисловато-сладкая слюна с аптечным привкусом сразу заполнила рот. С усилием сглотив волну сладковатой горечи, Файнхальс внезапно услышал вой пролетающих над ним снарядов: уже несколько часов подряд снаряды рвались далеко впереди, но на этот раз они пролетели над головами солдат, тяжело шлепая по воздуху, словно плохо заколоченные ящики, и разорвались где-то позади. Следующий залп пошел недолетом: впереди, совсем близко, взметнулись высокие грибовидные фонтаны песка и стали медленно оседать, расползаясь на фоне светлеющего с востока неба. Файнхальс еще успел подумать, что теперь перед ними на востоке посветлело, а мрак остался за спиной; третьего залпа он не услышал, казалось лишь, что совсем рядом, до ужаса близко, кто-то с силой бьет молотком по фанере, с треском раскалывая ее в щепы. Пыль и пороховой дым стлались низко над землей. Файнхальс вжался в землю, уткнув голову в вырытый им окопчик, и вдруг услышал переданную по цепи команду: «Приготовиться к броску!»

Тут справа до него донесся шорох, перешедший в негромкое и зловещее шипение, казалось, трескучее пламя ползет в его сторону по бикфордову шнуру. И в тот момент, когда Файнхальс пристраивал поудобней ранец на спине, рядом с ним рвануло воздух, и ему показалось, что кто-то оттолкнул его левую руку, а потом схватил ее выше локтя и резко потянул к себе. И тут же вся рука окунулась в теплую влагу.

– Я ранен, – закричал Файнхальс, приподняв голову из грязи окопа, но сам не услышал своего голоса. Вместо этого чей-то чужой голос тихо, но явственно произнес: «Навозник».

Голос доходил до него словно сквозь стену из толстого стекла, ясно различимый и в то же время очень далекий. Негромкий, приглушенный, приятный голос настойчиво повторял: «Навозник»,

я «навозник», капитан Бауэр у аппарата». Потом последовала недолгая пауза, и тот же голос произнес: «Слушаю, господин подполковник». И снова пауза. Наступила глубокая тишина, лишь откуда-то издалека доносилось бульканье, шлепанье и шипенье, словно вода кипела на огне.

Файнхальс вдруг понял, что лежит с закрытыми глазами. Открыв их, он сразу увидел голову капитана, голос тоже зазвучал как будто громче. Голова капитана отчетливо вырисовывалась в темном проеме окна с обшарпанной рамой, на его небритом лице застыло усталое раздражение. Прищурив глаза, капитан трижды повторил с секундными интервалами: «Так точно, господин подполковник!»

После этого капитан нахлобучил каску, и его округлая, добродушная, жукастая физиономия сразу стала на редкость комичной. Он сказал кому-то, стоявшему рядом: «Дело дрянь! Прорыв в третьем и четвертом квадратах. Придется ехать на передовую». Другой голос крикнул в глубину дома: «Связного мотоциклиста – к капитану!» Казалось, что разноголосое эхо подхватило эти слова, разнесло их по дому и постепенно затихло: «Связного – к капитану! Связного – к капитану!»

Вскоре Файнхальс услышал нарастающий сухой треск мотора, а потом увидел мотоцикл, выехавший из-за угла; запыленная, глухо урчащая машина понемногу замедляла ход и остановилась неподалеку от него. Лицо у мотоциклиста было усталое, безразличное. Не выключая мотора и сидя на подпрыгивающей машине, он крикнул в темное окно: «Связной по вашему приказанию прибыл, господин капитан!» На крыльце появился капитан с сигарой в зубах, в каске он походил на кряжистый, насупленный гриб. Медленно и тяжело шагая, он подошел к мотоциклу, нехотя втиснулся в коляску, буркнул: «Поехали», – и машина, сорвавшись с места, треща, подпрыгивая, вздымая клубы пыли, понеслась вперед, в бурлящий хаос боя.

Пожалуй, никогда еще Файнхальс не испытывал такого блаженства. Боли он почти не чувствовал – лишь слегка ныла левая рука, которая лежала рядом с ним, словно чужая, упакованная в бинты и вату, одеревенелая и окровавленная. Все остальное было в целостности, он без труда поднял сначала правую, потом левую ногу,

пошевелил пальцами ног в сапоге, приподнял голову, ему даже удалось закурить лежа. Прямо перед собой он видел всходившее солнце, которое только что выбралось из пыльной завесы, затянувшей на востоке весь горизонт. Все звуки доходили до него как-то приглушенно, будто голова его была обернута в вату. И тут только Файнхальс вспомнил, что за последние сутки он ничего не ел, кроме кислого леденца, пахнувшего аптекой, и ничего не пил, кроме нескольких глотков ржавой тепловатой воды с примесью песка.

Почувствовав, что его поднимают и несут куда-то, он снова закрыл глаза, но по-прежнему отчетливо видел окружающее. Все это было ему уже не внове, все это однажды уже случилось с ним. Сначала его обдало теплой волной выхлопного газа от санитарной машины, стоявшей с включенным мотором; потом его внесли в накаленный, пропахший бензином кузов; носилки скрипнули, дверца захлопнулась, взревел мотор, и шум фронта стал постепенно отдаляться, медленно, почти незаметно, точно так же, как незаметно он подбирался вчера. Лишь на городской окраине по-прежнему рвались через равные промежутки времени одиночные снаряды. И, засыпая, Файнхальс успел подумать: хорошо, что на этот раз все кончилось так быстро. Очень быстро! Только немного хотелось пить, ноги сбил и страшновато было, как всегда».

Проснулся он от внезапного толчка: машина резко затормозила. Рывком распахнулись дверцы, снова заскрипели носилки, и его внесли в прохладный, чисто выбеленный коридор. Стояла полная тишина, носилки были поставлены в ряд, друг за другом, словно шезлонги на узкой палубе. Прямо перед собой Файнхальс увидел густую черную шевелюру, – обладатель ее лежал неподвижно, на следующих носилках беспокойно поблескивала чья-то лысина, то появляясь, то вновь скрываясь, а еще дальше белела наглухо забинтованная голова, уродливая, непомерно длинная, и этот марлевый пакет, не переставая кричал: «Шампанского!» Знакомый голос давешнего полковника, беспомощный и в то же время наглый, рвался к потолку в непрерывном крике: «Ша-ампанского!»

– Помочись и хлебай! – спокойно сказала лысина. Сзади кто-то осторожно хихикнул.

– Ша-ампанского! – надрывался полковничий го-лос. – Шампанского со льдом!

– Заткнись, – так же спокойно произнесла лысина, – заткнись же, гад.

– Шампанского, – жалобно захныкал вдруг полковник. Белая, забинтованная голова его откинулась назад, и Файнхальс увидел кончик длинного носа, торчащий из марли.

– И девочку, теплую девочку...

– Переходи на самообслуживание! – тут же откликнулся лысый.

Потом полковника унесли наконец в перевязочную, и все стихло.

В наступившей тишине до раненых донеслись глухие разрывы на дальних окраинах, казалось, звук их добирался сюда из бесконечной дали, с края войны. Когда в коридор снова вынесли полковника – теперь он лежал молча, повернув набок забинтованную голову, а на смену ему в двери перевязочной протиснули носилки лысого, – со двора донесся шум приближающейся автомашины. Мягкое урчание мотора нарастало с почти угрожающей быстротой, чудилось, что автомобиль вот-вот протаранит белую стену коридора. Но урчание вдруг стихло, чей-то голос во дворе выкрикнул слова команды, и когда задремавшие было раненые повернули головы к двери, они увидели генерала. Он медленно шел вдоль ряда носилок, молча опуская на одеяло каждого раненого пачку сигарет. В гнетущей тишине Файнхальс слышал приближающиеся шаги и вот совсем рядом с ним выплыло лицо генерала – желтое, скорбное лицо с крупными чертами, с седыми бровями и черной каймой пыли вокруг бескровного рта. По лицу генерала было видно, что и это сражение он проиграл...

II

– Брессен, Брессен, взгляните на меня, – раздался голос у его изголовья, и он сразу узнал фон Клевица, дивизионного хирурга, которого, как видно, послали выяснить на месте, когда же полковник Брессен сможет вернуться в строй. Нет уж, слуга покорный, он и слышать не желает про свой полк. Брессен даже не посмотрел в сторону Клевица. Он уставился неподвижным

взглядом на картину, висевшую справа от него, почти в самом углу, дальнем и темном: на зеленом лугу паслись серые овцы, а пастух в голубом плаще играл на флейте.

Никто бы в этот миг не догадался, о чем думает полковник Брессен. А думал он о неприятнейших вещах, о которых он, как ни странно, вспоминал часто и охотно. Брессен никак не мог уяснить себе, действительно ли он слышал только что голос Клевица; то есть он слышал его, конечно, но не желал признаваться в этом даже самому себе и продолжал упорно смотреть на пастуха с флейтой, вместо того чтобы повернуть голову и сказать: «А, Клевиц, рад вас видеть. Спасибо, что не забыли!»

Потом он услышал шорох перелистываемой бумаги и понял: врачи углубились в его историю болезни.

Брессен, уставившись в затылок пастуха, думал о тех далеких временах, когда ему привелось служить в фешенебельном ресторане. В часы обеда он, картинно расправив плечи, вышагивал между столиками и раскланивался с посетителями. Просто поразительно, до чего быстро он освоил тогда все виды и оттенки поклонов. Короткий поклон, глубокий поклон, полупоклон, небрежный кивок. Иным он даже и не кивал, а просто на мгновение прикрывал глаза, но тем казалось, что он кивнул. Брессен быстро постиг и новую «табель о рангах» – совсем как в армии с ее иерархией серебряных плетений, просветов и звездочек на погонах, за которыми шла серая масса пустых или полупустых солдатских погон. Шкала поклонов в ресторане была несложной – все зависело от бумажника да от суммы счета. Брессен обходился там даже без профессиональной угодливости – он почти не улыбался, а с лица его, как ни старался он принять безразличный вид, не сходило выражение бдительной строгости. Посетитель, удостоившийся его внимания, чувствовал себя не столько польщенным, сколько провинившимся в чем-то. Все гости ежились под его пристальным, оценивающим взглядом, и Брессен вскоре обнаружил, что некоторых из них его взгляд повергает в полное смятение, бедняги принимались резать ножом пюре и судорожно ощупывали в кармане бумажник всякий раз, когда Брессен проходил мимо. Его удивляло лишь, что на следующий день его жертвы снова появлялись в ресторане и безропотно выносили его кивки и

оценивающие взгляды, считая, видимо, что в первоклассных ресторанах так уж заведено. За породистое лицо и умение носить фрак Брессену прилично платили и вдобавок кормили бесплатно.

Но при всем своем напускном высокомерии Брессен, з сущности, и сам постоянно робел. Бывали дни, когда от волнения он внезапно начинал потеть. Пот лил с него градом, и он не знал, куда деваться.

Хозяин ресторана был добродушный плебей, упоенный своей удачливостью в делах. Он унижал Брессена своими подачками: иногда по вечерам, когда ресторан постепенно пустел и Брессен уже подумывал о том, как бы уйти, хозяин, порывшись своими короткими пальцами-обрубками в ящике с дорогими сигарами, выуживал две-три штуки и, как ни отнекивался Брессен, совал их ему в верхний карман пиджака. «Берите, не стесняйтесь, – бормотал при этом хозяин с обычной смущенной улыбочкой, – это хорошие сигары!» И он брал сигары. Дома он выкуривал их с Фельтеном, с которым они вместе снимали меблированную комнату. Фельтен каждый раз восторгался сигарами. «Брессен, черт возьми, вот это – вещь!» – приговаривал он. Брессен помалкивал и, в свою очередь, не ломался, когда у Фельтена оказывалась хорошая выпивка. Фельтен был коммивояжером какой-то виноторговой фирмы, и случалось, что в удачные дни он приносил домой даже шампанское.

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
 - в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.
- Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.